

АЛЕКСАНДРА МОНИР

ФИНАЛЬНАЯ
ШЕСТЕРКА

Александра Монир
Финальная шестерка
Серия «Луна, Марс, далее везде»
Серия «Финальная шестерка», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48453315
Финальная шестерка: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-105870-8

Аннотация

Нашу планету лихорадит от небывалых катаклизмов: Израиль погребен под песчаным океаном, на поверхности территории Италии остались лишь верхние этажи высоток, землетрясения превращают в руины густонаселенные районы Америки, Европы, России. В условиях ежедневного кризиса Евросоюз выделил средства на подготовку космической экспедиции к Европе, спутнику Юпитера, под поверхностью которой, по утверждению ученых, можно создать условия для колонизации.

Окончательный отбор должны пройти шестеро лучших кандидатов – подростков, демонстрирующих выдающиеся спортивные достижения и высокий уровень интеллекта. Глаза всего мира с надеждой и гордостью прикованы к будущим космонавтам из России, Америки, Франции и других стран. Но организаторы этого полета явно что-то скрывают...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	31
Глава пятая	41
Глава шестая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александра Монир

Финальная шестерка

Alexandra Monir

THE FINAL SIX

© Alexandra Monir, 2018

© Перевод. Н. Виленская, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава первая

ЛЕО

Рим, Италия

Странно это, когда тебе незачем больше жить. Все острые углы исчезают, ни обрывов, ни вершин больше нет. Краски меркнут, окружающее преобразуется в бессмысленные картинки, нарисованные в одних и тех же серых тонах. Ничто больше не удивляет тебя, не воскрешает таких забытых ощущений, как страх или радость. Другого такого бесчувственного человека нет в мире, но, как только ты начинаешь привыкать к такому существованию, что-то ломается и ты говоришь себе: хватит.

Надеюсь, меня не слишком сурово осудят за то, что я сейчас сделаю. У меня, по правде сказать, и выбора не было. Я думаю об этом уже целый год, с тех пор, как наш город ушел под воду. Я один из тех, кому «посчастливилось» выжить, но ни о каком счастье здесь речь не идет. Хорошо счастье – слышать крики умирающих каждый раз, как закрываешь глаза, и вспоминать все заново, просыпаясь. Ужас не отпускает тебя ни на миг, он дышит тебе в затылок и шепчет на ухо.

На часах 5.35 утра. Пора уходить, пока соседи не просну-

лись и не помешали. Но сначала надо взглянуть в последний раз на то, что у меня осталось от дома.

В нашем *pensione*, ранее известном как «Микеланджело», уцелел только четвертый этаж. Три нижних захлестнула волна, приговорив жильцов к мучительной смерти. Я должен был погибнуть вместе с ними и погиб бы, если бы не отправился в тот самый момент с подносом в один из номеров наверху. Пара, потребовавшая принести завтрак, меня, можно сказать, спасла, но зачем? Зачем мне жить вместе с этими чужими людьми, когда моих родных больше нет?

Я смотрю на их вещи, которые достал после с морского дна. Папины потертые шлепанцы лежат на кушетке рядом с романом Элены Ферранте, который читала мама, – уголок страницы 152 загнут. Типографская краска размыта, слова слились воедино, как слезы, но можно еще рассмотреть, что страница обрывается на середине предложения. Одно из незаконченных маминых дел.

Я беру с полки перекошенную серебряную рамку с последней школьной фотографией Анджелики. Смотрю на нее, запоминая веселую улыбку сестренки и ямочки у нее на щеках. Потом встаю и отодвигаю тяжелый железный лист, перекрывающий дверь. Раньше она выходила в светлый коридор с картинами на стенах, но это было до *Allagare Grande*, до великого потопа. Теперь у моего порога плещется Тирренское море, и лишь узенький деревянный карниз отделяет меня от воды.

В этом новом Риме все пути ведут вверх. В каждом уцелевшем жилище есть такой карниз или мостик, выходящий на *passerelle*, пешеходную дорожку высоко над водой. Дорожки, в свою очередь, приводят нас на верхние этажи собора, больницы, мэрии, интернет-кафе, даже школы. В школу после потопа, конечно, мало кто ходит. Кафе – дело другое, я сам туда часто навещаюсь. Послушаешь, что такие катастрофы происходят по всему миру, и поймешь, что планета не нас одних невзлюбила.

Все мы видели жуткие снимки нью-йоркской Таймс-сквер. Широкая улица превратилась в реку, над которой торчат крыши бродвейских театров. У континентов больше нет берегов – море захлестывает всех, и богатых и бедных. По воде передвигаться можно вроде бы без проблем: садись в деревянную моторку, которые у всех мостков причалены, и плыви на север, в Тоскану... только не так все просто. По морю волны гуляют, а в Тоскане все переполнено. Очереди на вокзале или в аэропорту надо ждать месяцами, без кучи евро там вообще делать нечего. Да и кто тебе гарантирует, что твой новый город или страна тоже не окажется под водой?

Я не сразу капитулировал – в первые месяцы цеплялся за жизнь, как все. У одних были родственники в сухих районах, у других сбережения, а у меня ничего. Пока дождешься пособия от Евросоюза, загнуться можно, поэтому я нашел свой способ остаться в живых.

На дне моря лежали сокровища, дорогие памятки, за которые люди готовы были платить. Нырять туда дураков не находилось, один я рискнул с голодухи – я и раньше без акваланга нырял, выпендривался перед ребятами из команды.

В первую же неделю я откопал среди развалин Национальной галереи Рафаэлеву «Форнарину». Картину так размыло, что разглядеть красавицу трудно, но я знал, что ценители найдутся, и не ошибся. «Форнарина» целый месяц меня кормила. Потом я нашел юбилейные монеты 2004 года, выпущенные к столетию пуччиниевской «Мадам Баттерфляй». Они всего по пятнадцать евро, но как коллекционные стоили вдвое дороже. Так я и промышлял день за днем, пока не нашел в густых водорослях подлинные сокровища: папины шлепанцы, мамину книжку и сестренкино фото.

То, что они так и лежали рядом, было больше чем совпадение: я счел это знаком. Глядя в лицо сестры, я понял, кто я такой. Гнусный мародер, вот кто. Чувство вины пересилило голод. Я перестал нырять и твердо решил уйти вслед за ними.

Я скидываю на плечи свой тяжелый рюкзак, выхожу на карниз, прыгаю и плыву – не делать же этого прямо здесь, перед домом. Лучше там, ближе к центру, где стоит полузатопленный Колизей. В голове у меня стихи Байрона, которые я учил в школе:

Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо,

Но рухни Колизей – и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет Рима¹.

Я хватаюсь за арку, прижимаюсь лбом к камню, прощаюсь – и ухожу в глубину. Соленая вода заливает рот: мерзкое это дело, топиться. Начавшийся прилив утягивает все глубже. Адреналин зашкаливает, и Анджелика, могу поклясться, орет мне в ухо: «Всплывай, идиот! Всплывай!» Но я подавляю инстинкт и продолжаю опускаться на дно.

Кто бы сейчас поверил, что я спортсмен. Захотел бы – всплыл за считанные секунды, но я не хочу, вот в чем дело.

Голова показывает путаный фильм для меня одного. Я уже засыпаю – и вдруг слышу моторку над головой. Непорядок, подсказывает не совсем уснувшее сознание. Лодкам запрещено выходить в дневные часы – это одно из новых правил, принятых после *Allagare Grande*. Спасатели могут и нарушить, конечно... если утопающего заметят.

Сознание возвращается ко мне в полном объеме, стремление к смерти уступает место стыду. Не хватало еще, чтобы спасатель прыгал в море и боролся с приливом, вытаскивая меня. Не годится так уходить.

Я скидываю рюкзак и делаю то, что мне велела сестренка: всплываю. Голова выскакивает наружу, хлебная сладкий, чудесный воздух. Мотор все ближе. Я приподнимаюсь, машу руками и кричу пропавшим куда-то голосом:

¹ Паломничество Чайльд-Гарольда. Пер. В. Левика.

– Я здесь! Не надо прыгать!

Но это не спасательный катер. Это катамаран с синей надписью «Европейское космическое агентство».

Что делает ЕКА в этом месте и в этот самый момент?

Мужчина и женщина, стоящие на носу, целенаправленно изучают местность. На женщине военная форма – темно-синяя, итальянская, на мужчине деловой костюм и футболка с девизом ЕКА. Меня они, к счастью, не замечают.

Не думал, что меня еще можно чем-нибудь удивить, но случилось именно это. Не пытаюсь больше уйти на дно, я плыву вслед за катамараном. ЕКА не зря явилось в наш бывший город, столь важное событие я не хочу пропустить.

Одолеваю брассом последний отрезок вспененной воды. Вот он, наш «Пансион Даниэли», вывеска на крыше так и осталась. Катер поворачивает к палаццо Сенаторио, к мэрии. На причале стоит премьер-министр Винсенти с женой Франческой и дочерью Эленой, лучшей подружкой моей сестры.

Я задерживаю дыхание и ныряю, чтобы они меня не увидели. Что я буду отвечать, если спросят?

Вечность спустя вынырываю. Премьер с женой ушли в дом вместе с двумя людьми из ЕКА, но Елена еще тут и снимает лодку на камеру. Я тоже попадаю в кадр и моргаю от вспышки. Вот черт, заметила!

– Лео? – Елена выбегает на край причала. – Ты что здесь делаешь?

Можно бы выдумать что-нибудь – решил, мол, поплавать

с утра пораньше. Только не поверит она, врать я никогда не умел. Сразу догадается по моей физиономии, что я задумал сделать.

— *Buongiorno*, Элена, — кричу я в ответ. — Ничего... долгая, в общем, история.

Да, как же. Теперь от нее не отвяжешься — можно с тем же успехом на суше поговорить.

Я подплываю, подтягиваюсь, вылезаю на причал. Ноги трясутся, с одежды течет на доски.

— Хорошо хоть разулся перед заплывом — почему ж не разделся? — говорит Элена и вспыхивает. — Я не то хотела сказать... сейчас принесу тебе что-нибудь сухое. Стой тут.

— Спасибо. — Я стараюсь не смотреть на нее. Не потому, что смущаюсь, а потому, что каждый раз вижу с ней рядом мою сестру. Зря я увязался за этим дурацким катером.

Вверху, на пешеходной дорожке, слышатся чьи-то шаги: мои соседи, поднявшись необычайно рано, тоже идут в палатцу Сенаторию. Все чудней и чудней.

Элена приносит большое пальто, которое я надеваю прямо на мокрое. Она хочет о чем-то спросить, но я опережаю ее.

— Что вообще происходит? Зачем люди из ЕКА приехали в Рим?

— Ты что, правда не знаешь?

— Нет...

— Так отбор же. Сегодня объявят имена двадцати четырех!

– Двадцати четырех? – Знакомые слова, вроде забытого вкуса во рту. Я знал их еще до того, как Рим затопило, до того, как все потерял. – Европа! – выпаливаю я.

Элена кивает с легкой улыбкой.

В памяти всплывают обрывки прошлого. Мы с Анджеликой и родителями смотрим в прямом эфире пресс-конференцию ООН: мировые лидеры объявляют, что человечество находится в состоянии войны со своей планетой. Листовки о новой миссии распространяют официально, и мы узнаём о плане заброски молодых астронавтов на Европу, наиболее перспективный спутник Юпитера. На следующей неделе в нашей школе появляются «скауты» для отбора кандидатов. «Только молодежь может сосуществовать с радиационнотойкими бактериями, которые обеспечат человечеству будущее на новой планете, – говорят ученые в телевизоре. – Только молодежь будет способна к воспроизводству, когда Европа станет пригодной для колонизации».

Все эти головокружительные мечты смысл потоп – у меня и в мыслях не было, что это дело доведут до конца.

– Значит, финалистов уже отобрали? – спрашиваю я. – Почему тогда НАСА и ЕКА просто не объявят их имена в онлайн? Зачем тащиться сюда... стоп! Кто-то из них здесь, что ли, живет? У нас в Риме?!

– Ну да! Правда, здорово? Хоть бы не я, у меня сердечный приступ случится. Имя объявят на пресс-конференции в полседьмого.

– Ты серьезно? Тогда пошли!

Я перехожу на бег. Елена протестует, говоря, что нельзя являться туда босиком и мокрым насквозь, но я хочу сам услышать, как кого-нибудь из моих друзей и знакомых назовут в числе финалистов. Папа сейчас потрясал бы кулаками, гордясь, что выбрали римлянина, мама сокрушалась бы, жалая родителей избранного.

Портик дворца затонул вместе с нижними этажами; я бегаю с понтона в крытую галерею, ведущую в бельэтаж, *piano nobile*. Картины старых мастеров на стенах разбухли от сырости, расписные потолки испещрены трещинами, но жизнь здесь кипит по-прежнему. Следуя на гул голосов, я вхожу в Неоготический зал с мраморными колоннами. Хрустальная люстра на потолке сохранилась с допотопных времен.

Зал почти до отказа заполнен пережившими катастрофу, последними римлянами, как нас именуют СМИ. Итальянка в военной форме, человек из ЕКА и премьер с супругой поднимаются на эстраду, трое операторов готовятся к съемке, сердце у меня стучит все быстрее.

– Мне тоже надо туда, к родителям. Поговорим позже, ладно? Ты так и не сказал, зачем полез в воду.

Я и забыл, что Елена все еще здесь.

– Ладно. – Все смотрят вперед – авось никто не заметит, что с меня капает. – Спасибо тебе.

– *Buongiorno*, – говорит премьер в микрофон. – Спасибо, что собрались здесь сегодня, в день, который вернет Риму

былую гордость. Вижу, вам так же не терпится услышать новости, как и мне, поэтому буду краток. Позвольте представить вам сержанта Клеа Росси из Итальянских вооруженных сил и доктора Ганса Шредера из Европейского космического агентства.

Пока все аплодируют, я отыскиваю себе местечко в последних рядах. Доктор Шредер выходит вперед.

– Благодарю вас, премьер-министр и все, кто присутствует в этом зале. Для меня большое счастье еще раз посетить Рим – не думал, что мне представится такой случай.

Все затихают, понимая смысл его слов. Наша родина быстро идет по стопам Байи, древнеримского города, затонувшего из-за вулканических сдвигов на Неаполитанском заливе.

– Проект «Европа», как вам известно, имеет первостепенное значение для нашей планеты. Чем скорее мы сумеем колонизировать этот спутник Юпитера, тем лучше для нас. Счастлив сообщить вам, что всего через год после сбора медицинских и академических тестов нам удалось отобрать финалистов в количестве двадцати четырех человек. Эти молодые люди проведут месяц в учебном космическом центре США, после чего из них будут отобраны шесть суперфиналистов, которые и полетят на Европу. – Доктор Шредер делает паузу. – И один из этих двадцати четырех, как вы уже поняли, находится среди вас.

Зал взрывается воплями, ликованием, нервным смехом. Я смотрю по сторонам: может, финалист стоит где-то рядом?

– Прощу, сержант Росси. – Доктор уступает ей микрофон.

– Римский финалист, который в понедельник отправится в учебный космический лагерь, – начинает она, – был отобран за выдающиеся способности к выживанию и еще за одно крайне важное качество.

Я задерживаю дыхание. Трудно представить, что кто-то из моих знакомых или друзей всего через два дня уедет в Америку – и, возможно, навсегда покинет планету. Вглядываюсь в толпу, чтобы засечь первую реакцию избранного.

– Вашего финалиста зовут...

Напряжение сгущается, мы все подаемся вперед.

– ... Леонардо Даниэли!

Погодите. Я? Быть не может!

– Да вот он, здесь! – кричит кто-то.

Больше ста человек оборачиваются ко мне. Операторы подбегают, наставив на меня объективы. Елена, стоя между отцом и матерью, издает нечто среднее между стоном и визгом. Точно. Меня выбрали.

Один из операторов сует микрофон.

– Что вы чувствуете сейчас, Леонардо? Шок, страх, радостное волнение?

Сегодня я хотел умереть. И умер бы, если б не услышал лодочного мотора.

– Я... я не представлял, что так будет. – Мои слова разнесутся эхом в притихшем зале. – И очень рад, что не упустил этот шанс.

Глава вторая

НАОМИ

Лос-Анджелес, Калифорния

– Вы шутите, да?

Я обвожу глазами взрослых, собравшихся в кабинете директора. Сейчас кто-нибудь из них выдаст заключительную часть анекдота. «Что будет, если собрать вместе старшеклассницу, ее растерянных родителей, ученого из НАСА, вооруженного офицера армии США и директора школы?»

– Нет, Наоми, это не шутка. – Женщина из НАСА выговаривает мое имя так, будто оно хрустальное и может разбиться. – Ты гордиться должна. Каждый из двадцати четырех был выбран за особое свойство или способность, необходимые для будущей миссии. Твои отличительные черты – это блестящий интеллект и способность мыслить логически. Если войдешь в финальную шестерку, будешь мозгом всей операции.

Мои родители хватаются за руки. Мама вхлипывает, мое сердце сжимается. Этого просто не может быть... но серьезные лица вокруг подтверждают худшее.

– Значит, меня включили в число двадцати четырех? –

шепчу я.

– Да, – кивает офицер, майор Льюис, – но для начала ты поедешь в учебный лагерь, где состоится финальный отбор. Потом тебя отправят либо домой, либо...

– На Европу, – договариваю я. – В один конец.

В тишине слышно, как плачет мама. Я вскакиваю и обнимаю ее – не в последний ли раз? Что, если я скоро забуду, как это делается, забуду голос своего брата?

– Так нельзя. – Я умоляюще гляжу на стоящие над нами фигуры. – Если вы всё обо мне знаете, то должны знать, что у меня есть младший брат, что он болен. Я нужна ему. Нельзя же вот так взять и разбить семью!

– Это как призыв в армию, солнышко, – бормочет папа. – Они в своем праве.

– У нас война с собственной планетой, – хмурится майор Льюис. – Если улетишь с нее, считай, что тебе повезло.

Вот оно как. Выходит, надо еще спасибо сказать, если меня с Земли выпихнут? Но тут мама говорит, держа мою руку в своих:

– Пусть мои слезы тебя не смущают, Наоми. Сердце у меня разрывается при одной мысли о разлуке с тобой, это так... но я благодарна, что тебе дали шанс. – Она смотрит мне прямо в глаза. – Не знаю, долго ли мы еще так протянем. Нас эвакуировали из двух мест меньше чем за два года – кто знает, что с нами будет завтра? Смотри, как ты похудела от питания по талонам. Мы живем как на зыбучих песках – если

можно спасти хоть кого-то, пусть это будешь ты.

Она в это верит! Обалдеть. Моя мать искренне верит в рекламный ролик про то, что финальная шестерка переживет эту химерическую миссию. И даже если им – или нам – удастся совершить невозможное, то по мне лучше уж умереть со своей семьей, чем жить на юпитерской луне с пятью незнакомцами. Но зачем отнимать надежду у своих близких? Оставляю при себе эти мысли и задаю доктору Андерсон из НАСА вопрос:

– Было сказано, что корабль зайдет на Марс, чтобы забрать припасы неудавшейся миссии «Афина» и разогнаться до Юпитера – правильно? Откуда же нам знать, что наша миссия не закончится так же, как экспедиция «Афины»? Что мы все не... – И так ясно, что я имею в виду. Не погибнем.

– Очень просто. Марс всегда был рискованным шагом. Экипаж «Афины» знал, что планета вполне может оказаться непригодной для обитания. Именно катастрофа с «Афиной» побудила нас присмотреться к Европе: автоматические аппараты показывают, что там есть все ингредиенты, нужные для создания новой Земли. На Марсе источники воды и кислорода отсутствуют, а на Европе того и другого в избытке. Кроме того, финальная шестерка не будет выходить на поверхность Марса. Ваш корабль сам загрузит припасы и совершит скачок от Марса к Юпитеру. Действию марсианской атмосферы вы не подвергнетесь.

Мои родители смотрят на доктора во все глаза, явно пы-

таясь представить, как их дочь перескакивает от одной планеты к другой. Но я еще не закончила.

– А как насчет наличия на Европе разумной жизни?

Доктор Андерсон и майор Льюис обмениваются усмешками.

– Это выдумки «Космического конспиратора» и других веб-сайтов того же рода. Мы не нашли никаких свидетельств того, что на Европе есть жизнь. Можешь не беспокоиться.

Кто знает, кто знает. Она произносит это все, как актриса, которая двадцать раз свой текст репетировала. Ладно, замнем пока.

Директор Гамильтон, молчавшая все это время, подает голос.

– Там снаружи целое сборище – похоже на СМИ. Вы поэтому просили созвать школьное собрание? Намерены обнародовать эту новость?

Ой, нет! Я вжимаюсь в диван, мечтая просочиться в его обивку.

– Запустим сначала Наоми, потом всех остальных, – предлагает майор. – Мы вдвоем будем с ней во время пресс-конференции...

– Зачем нужно им сообщать? – перебиваю я. Если меня засветят во всех СМИ, уже не отвертишься. Со мной смогут делать что захотят – ставить на мне опыты, призывать в ряды, посылать в другую галактику.

– У нас нет выбора, – отвечает Андерсон. – НАСА, как

государственное агентство, обязано уведомлять обо всем общественность в течение суток, а действия в режиме военного времени требуют особой прозрачности. Мы скрывали твое имя лишь потому, что хотели сказать тебе первой. Не знаете, установлена ли уже видеосвязь с Хьюстоном в актовом зале?

Директор, которой она задает этот вопрос, сверяется со своим компьютером. У меня руки чешутся скинуть комп на пол.

– Кажется, все в порядке.

Я в ужасе смотрю то на окно, то на дверь – но нет, отсюда не убежишь. Даже если я каким-то чудом смогла бы, то стала бы уклонившейся от призыва, и как же мне тогда жить? Выбора нет... придется попрощаться со всем, что мне знакомо и дорого.

Я встаю, как узник, готовый идти на казнь.

– Дальше что?

– Дальше ты станешь одной из самых знаменитых подростков в мире, – усмехается майор Льюис.

Стою позади пыльного занавеса на сцене школы Бербанка. Рядом телохранитель – он будет сопровождать меня до благополучного переезда в учебный лагерь. Сердце стучит, на лбу испарина – совсем как перед спектаклем «Скрипач на крыше» в прошлом году. У меня были всего две сольные строчки («традиция, традиция!»), но трусила я больше ведущих актеров. Тогда я впервые поняла, что мое место в клас-

се, в лаборатории, за телескопом, а вот сцена не для меня.

С тех пор мы в актовом зале не собирались. Когда очередной «Эль Ниньо» разнес в клочья прибрежные города, вынудив уцелевших лосанджелесцев эвакуироваться в Долину, школа практически завязала со спортом и самодеятельностью. Были дела поважнее – например, выживание и приток новых учеников из Вест-Сайда.

В щелку мне видно, как рассаживаются по местам учителя и мои одноклассники. На всех четырех стенах развернуты гигантские проекторные экраны.

– Предупреждаю, меня может стошнить, – говорю я телохранителю Томпсону. – Зачем вообще устраивать весь этот цирк?

– Думаю, миссия «Европа» сейчас единственное, что может как-то занять людей, – отвечает он. – Чем больше общественность заинтересована, тем больше средств вытрясут из Конгресса космические агентства.

Он подмигивает, думая меня успокоить, но мне становится еще хуже. Вот что значит быть ботаном-отличницей: не разделяю я надежд человечества на эту миссию, хоть убей. У меня есть целый список того, что может пойти – и определенно пойдет – не так, как задумано.

А вот и мордашка, которая мне дороже всего на свете: мой братик Сэм сидит с родителями в первом ряду, чувствуя себя, как видно, очень неловко. Сердце сжимает новая боль.

Он на два года младше меня, но я смотрю на него, как в

зеркало. У нас те же темные волосы, оливковая кожа, персидские глаза и ямочки на щеках от улыбки – теперь-то мы, конечно, улыбаемся редко. Как только он родился, мы стали сиамскими близнецами, а сейчас вот нас разделяют. Слезы подступают к глазам, но тут по авансцене цокают каблуки, и в зале становится тихо.

– Думаю, вы догадываетесь, зачем вас сегодня собрали здесь, – слышится голос Андерсон. – Вы угадали правильно: мы счастливы сообщить, что в школе Бербанка имеется собственный финалист, один из двух, отобранных в Соединенных Штатах: мисс Наоми Ардалан!

Занавес открывается, показывая меня, моргающую в луче прожектора. Под вспышки камер, аплодисменты, изумленные возгласы я смотрю на брата, пытаюсь передать ему сообщение. *Извини, Сэм. Я должна была придумать, как тебя вылечить – кто же знал, что меня заберут. Жаль, что так получилось, но это еще не конец.*

– Это еще не все! – октавой выше информирует Андерсон. – Двадцать три других подростка по всему миру получили сегодня такое же извещение. Благодаря суперкомпьютеру НАСА «Плеяды» все финалисты прямо сейчас смогут познакомиться друг с другом и с вами!

Слышатся статические разряды, и на темных видеоэкранах вспыхивают краски – и лица.

Я, чуть дыша, рассматриваю незнакомцев, которые скоро станут для меня новой, принудительной семьей. Андерсон

и Льюис поочередно называют их имена и страны – прямо Олимпиада, а не насильственный призыв в астронавты.

Все финалисты примерно моего возраста, но на этом сходство кончается. У нас разный цвет кожи и глаз, разные волосы, разное сложение. Некоторые, я вижу, сдерживают слезы или откровенно паникуют, вроде меня, остальные – их большинство – улыбаются и машут руками. Кто из нас окажется прав?

– И последний по списку, но не по значению – Леонардо Даниэли из Рима!

Я оборачиваюсь к экрану у меня за спиной. Парень с золотисто-каштановой шевелюрой и яркими голубыми глазами улыбается так, что во мне все надламывается. *Знал бы ты, во что мы влипли. Мы не победители, мы покойники.*

Пользуясь тем, что стою спиной к залу, я закрываю лицо руками, и слезы наконец проливаются. Мне надо всего двадцать секунд, чтобы выплакаться, – научилась, когда Сэм заболел. Я всегда веселила его, подбадривала, ни разу не показала, как боюсь за него. Но иногда, когда его подключали к машинам, когда через больничные мониторы слышалось неровное биение его сердца, я отворачивалась и давала волю своему горю, своей злобе на весь белый свет. Всего на двадцать секунд, чтобы Сэм не заметил, – вот и пригодилось теперь. Я успокаиваюсь и с изумлением встречаю добрый взгляд итальянского финалиста. Он прикладывает ладонь к экрану, и я читаю у него по губам «привет».

Я поднимаю руку, отвечая ему, и забываю, где я и что со мной происходит. Всего на миг, потому что доктор Андерсон продолжает:

– Вы все проведете уик-энд со своими семьями, а в понедельник утром отправитесь чартерными рейсами в Хьюстон, в Космический центр имени Линдона Джонсона. Там через месяц будет отобрана команда из шести человек...

Я отворачиваюсь от итальянца и перевожу взгляд на брата. Он сидит, как на похоронах – глаза потуплены, кулак прижат к сердцу. Но я еще жива и не хочу, чтобы мой брат горевал один. Я потихоньку отхожу назад и бегу со сцены...

Охранник тут же ловит меня, ну и пусть. Эта миллисекунда свободы мне кое о чем напомнила. От призыва не увернешься, это факт, но, если вести себя правильно, меня еще могут отсеять. Главное – сосредоточиться на этом так, чтобы ничто не отвлекало. Ничто и никто.

Пусть другие становятся героями, пионерами космоса. У меня и дома предостаточно дел.

Глава третья

ЛЕО

Экраны гаснут, и я будто просыпаюсь – но лица, которых больше не видно, все еще держат меня в своей власти. Эти двадцать три человека, о чьем существовании я не ведал, чьи пути никогда не должны были пересечься с моим, скоро станут всем моим миром. И если мне посчастливится пройти финальный отбор, пятеро из них будут связаны со мной на всю жизнь. От этой мысли я покрываюсь мурашками, и мне не терпится узнать все досконально об этих двух дюжинах. Я пытаюсь вспомнить, как они выглядят, но мне запомнились только двое: девочка с карими глазами, такая грустная в момент нашего торжества, и светловолосый парень, который подпрыгивал и вопил на радостях.

Премьер-министр Винсенти входит в комнату, где поместил меня доктор Шредер.

– Охрана сдерживает публику, но люди хотят взглянуть на тебя еще разок, Лео. Может, выйдешь к ним, улыбнешься на камеру?

Я, кажется, недопонял что-то.

– Так они ж меня знают. Тышу раз видели на *passerelle*.

– То было раньше. Теперь ты не просто их сосед и знакомый, ты живая легенда.

Через закрытую дверь слышится рефрен:

– *Leo, Leo, Vogliamo Leo! Italiani Fiero di Leo!*²

Эмоции распирают грудь. Неужто это меня приветствуют – меня, который чуть было не утопился сегодня? Ну что ж, «чуть-чуть» не считается. Раз мне дали второй шанс, надо сделать все, чтобы они гордились мной не напрасно.

– Да, – говорю я. – Пойдемте.

Приставленный ко мне охранник сопровождает нас по мраморному коридору на шум голосов. Смотрит он при этом на меня, а не на премьера – нашли тоже ВИП-персону!

Мы возвращаемся в Неоготический зал, где народу теперь вдвое больше – все впитирку стоят. При виде нас рефрен переходит в рев:

– *Leo, Leo, Vogliamo Leo!*

На меня смотрят так, точно я скинул старую кожу и сделался супергероем. Меня разбирает смех. Так и хочется щелкнуть пальцами: придите в себя, это же я, Лео из бывшего пансиона Даниэли! Хотя, вообще-то... если я доберусь до космоса и успешно выполню эту миссию, то как раз и стану супергероем.

Вставленный адреналином от этой мысли, я улыбаюсь и греюсь в лучах всеобщего обожания. Охрана выводит на авансцену нас с премьером и доктора Шредера. Сержант

² Покажите нам Лео! Итальянцы гордятся Лео! (*ит.*)

Росси, супруга премьера и Елена, оставшиеся в зале, пытаются успокоить публику, но ее уже не уймешь. Чей-то голос заводит тарантеллу, и все подхватывают, хлопая и топая в такт.

Я продолжаю ухмыляться, но в горле стоит комок. Вот она, та Италия, которую я помню, которую не видел уже давно. Мы гордый народ и свою радость выражаем бурно, под тарантеллу. Последние годы у нас просто не было повода праздновать; теперь он появился, и это я.

Сержант Росси вручает мне микрофон.

– Спасибо. – Голос у меня дрожит, и я прочищаю горло. – Спасибо за вашу любовь и поддержку. Обещаю не подвести и достойно представить Италию не только на Земле, но и в космосе.

Крики и свистки заглушают меня. Я смотрю туда, где должны были бы стоять мои родные, и говорю им:

– Это все ради вас.

Чудеса продолжают. Свой последний на родине уик-энд мне предлагают провести в палаццо Сенаторио в качестве почетного гостя семейства Винсенти. Я понимаю, что на самом деле это сделано для того, чтобы охрана премьера могла присмотреть за мной до отправки в учебный лагерь, но все равно хорошо. Вернись я к себе в пансион, горе бы опять меня одолело и сегодняшний день показался бы несбыточным сном. Я принимаю приглашение с благодарностью – мне да-

же и за вещами не надо идти. Единственное, что я беру с собой, уже при мне: кольцо с печаткой Даниэли на пальце.

Вместо своей жесткой отсыревшей постели я лежу в двухспальной кровати под теплым одеялом, сытый впервые за много месяцев. Устраиваясь поудобнее, я мысленно благодарю счастливую звезду, которая вывела меня из мрака и подарила новую жизнь.

Начинаю уже засыпать, и тут в дверь стучатся. Ухожу с головой под одеяло: может, они уйдут, если не отвечать? Но за стуком следует драматический шепот:

– Лео, это я, Элена. Можно войти?

Вот уж кого не ждал.

Вылезаю, натягиваю футболку ЕКА, которую мне дал доктор Шредер. Она что, соблазнить меня хочет? Смешно... Ей вообще-то уже пятнадцать, всего на два года меньше, чем мне, но я бы все равно не решился. Слишком много воспоминаний. Да и она, похоже, не за этим пришла.

– Извини, если разбудила, – говорит Элена, закрывая за собой дверь. – Хотела поговорить, пока смелость не пропала.

– О чем это? – Я сажусь на кровать, Элена беспокойно топчется рядом.

– Я тут подслушала родительский разговор и целый час думаю, сказать тебе или нет. Папа говорит, что государственные тайны нельзя выдавать, но если с тобой что случится, а я промолчу...

Теперь и я занервничал.

– Да в чем дело-то? Говори уже.

– Отец сказал маме, что тебя не просто так выбрали. Что директор ЕКА, босс доктора Шредера, давно уже за тобой наблюдает.

Ну, это еще туда-сюда.

– Значит, меня проверяли со всех сторон – что ж тут плохого?

– Тебя взяли под колпак задолго до того, как этот проект вообще приняли. Папа сказал, это началось три года назад, после твоего первого чемпионата по плаванию. Директор связался с ним и попросил разрешения понаблюдать за тобой. Потому что твоя скорость и способность удерживать дыхание под водой дольше нормы делают тебя чем-то вроде оружия.

– Уверена, что расслышала правильно?

– На сто процентов. Мама еще спросила, что за оружие, а папа ей: знаю только, что это как-то связано с проектом «Европа». Велел никому не говорить и сменил тему, ну я и ушла.

Я обдумываю все это.

– Выходит, ЕКА за мной шпионило, а твой папа им помогал? Потому что я вроде бы супердайвер? – Я пытаюсь превратить это в шутку, но на самом деле меня как холодной водой окатили. Надо же – за мной так долго следили, а я и понятия не имел.

– Ну да. Вот почему я думаю, что нам про эту миссию не

всё говорят. В тебе видят не просто потенциального астронавта, и если учесть, что это секретно, то задача финальной шестерки будет гораздо опаснее, чем мы полагаем.

Что ж. Это немного меняет мой взгляд на ЕКА и премьер-министра, но мое отношение к миссии остается все тем же. Даже если на Европе нас поджидают какие-то неведомые опасности и меня хотят использовать как оружие, для чего мне еще-то жить? Лучше помогу человечеству, чем болтаться на Земле без всякого проку. Я бы выбрал этот вариант в любом случае.

– Спасибо, что сказала, но я не пошел бы на попятный, даже если бы мог. Раз мои способности обещают вывести меня в космос, будем считать это хорошей новостью.

– Просто будь настороже в этом вашем учебном лагере. Если пройдешь в финал, а миссия окажется рискованнее, чем нам сообщают, постарайся передать мне весточку, хорошо? Ты мне не безразличен, ты брат Анджелики.

Брат Анджелики... Внутри у меня все сжимается. Никто больше не говорит о моей сестренке как о живой.

– Я постараюсь. – Мой голос прерывается. – Ради нее.

Глава четвертая

НАОМИ

Мне не дают проститься с ребятами и учителями, даже вещи из шкафчика забрать не дают. Сразу после пресс-конференции назначенный мне охранник уводит нашу семью из школы, ссылаясь на безопасность. Пока Томпсон ведет нас к железнодорожной эстакаде, я оглядываюсь на брата. В голове не укладывается, как мы будем жить друг без друга.

В детстве я всегда говорила, что Сэм мой, и с тех пор мало что изменилось. Я стала просить братика или сестренку, как только говорить научилась, даже имя ему сама выбирала. Увидев сверточек с такими же, как у меня, глазами, я сразу превратилась в маленькую маму-медведицу, готовую защищать детеныша до последнего.

«Мы всегда будем вместе», – шептала я, засиживаясь допоздна у его постели. Изучала кардиограммы, похищенные из кабинета врача, пыталась расколоть код его ДНК, пыталась понять, почему у одного из двух детей с тем же набором генов сердце здоровое, а у другого нет. Обещала ему, что не успокоюсь, пока он не выздоровеет, что мы никогда не расстанемся. И вот теперь я нарушаю свое слово. Бросаю его.

Меня пронизывает холод при мысли, что будет с ним без меня. Сейчас Сэм стабилен, но как знать, что еще выкинет непредсказуемый порок его сердца. Рано или поздно организм перестанет реагировать на лекарства, которые Сэм пьет теперь, и придется снова ехать в больницу, и проходить обследование, и подбирать новые средства...

На платформе Сэм хватается меня за руку.

– Эй! Ты же сама говорила, что паника ничего не решает. – Легкость, с которой он читает мои мысли, заставляет меня улыбнуться. – В ближайшие дни тебе будет о чем подумать и без меня.

– Ничего не могу поделать. – Толстовка висит на нем, как на вешалке. Как ни навязывай ему свой паек, сегодня он всегда выглядит еще более худым, чем вчера.

Сэм пихает меня локтем, кивая на охранника. Томпсон отвечает на какой-то папин вопрос, но это не мешает ему прислушиваться к нашему разговору.

Я понимаю, что брат имеет в виду. Нас всех предупреждали, что уклонение от призыва – верный способ оказаться в тюрьме. Нельзя, чтобы меня подозревали в непослушании, хотя оно так и бродит во мне.

Подходит поезд, до странности пустой в послешкольный час пик. Мы с Сэмом собираемся, как обычно, войти в третий вагон, но Томпсон нас останавливает.

– Для пущей безопасности сядем в первый.

– Почему? – спрашиваю я. – Тут тоже свободно.

– Не важно. – Губы Томпсона сжимаются в твердую линию. – Ты теперь всемирное достояние, и мы должны исключить даже самый незначительный риск.

Мы с Сэмом обмениваемся недоверчивым взглядом. Всемирное достояние?

Втискиваемся впятером в кондукторское купе. От Томпсона пахнет недавним ланчем. Я отворачиваюсь к окну, тоскуя по временам, когда у нас была собственная машина. Автомобили в большинстве стран после катастрофических изменений климата запретили, да поздно: выхлопные газы уже сделали свое дело.

Может быть, я вижу свой родной город в последний раз, только это уже не мой город. Это самозванец, который прикидывается Лос-Анджелесом.

Всюду, от Бербанка до Глендейла, стало еще больше бездомных. Семьи толпятся в грязи, ютятся под рухнувшими линиями электропередачи, просят подавания у прохожих. Мне хочется зажмуриться, но я, как и каждый день, принуждаю себя смотреть.

За поворотом начинаются Голливудские холмы, где больше нет горделивых букв. Дома после целого ряда землетрясений покрыты пеплом, на улицах глубокие трещины.

– Тебе повезло, что ты уезжаешь.

Оборачиваюсь на голос Сэма. Он тоже смотрит в окно, и по его лицу ничего нельзя разгадать. Встретившись со мной взглядом, он выдавливает улыбку. Я мотаю головой, желая

сказать, что я так не думаю, что очень постараюсь вернуться домой. Разве могу я его бросить в такое время? Но при Томпсоне ничего такого не скажешь. Я просто беру брата под руку, склоняю голову ему на плечо, и мы молчим под стук вагонных колес.

Вот уже и вечер. Томпсон сдерживает толпы зевак у нашего двухквартирного дома, а мы вчетвером сидим в кухне-гостиной, делая вид, что у нас все как обычно. Наше жилье больше не кажется мне тесным и неудобным: дом есть дом.

Папа щелкает пультом, и сердце у меня дает сбой при виде собственного лица на телеэкране.

– Блин! – ахает Сэм.

– Наша девочка, – шепчет мама.

Это запись сегодняшней пресс-конференции. Я рядом с доктором Андерсон выгляжу прискорбно неготовой к такому дебюту в поношенных джинсах, бирюзовой толстовке и с небрежно собранными в хвост волосами. Крупный план показывает испарину на лбу, паническое выражение глаз – стыдобища! Впору залезть под диван, но тут на экране, к счастью, появляется Робин Ричмонд, ведущая новостей «Си-эн-эн Тунайт».

– Мы с вами только что видели нашу американскую финалистку, двукратную победительницу Всемирной научной ярмарки – Наоми Ардалан! – Ее мелодичный голос обыгрывает все три слога моей фамилии. – Наоми, собственно го-

воря, американка во втором поколении: родители ее родителей приехали сюда из Ирана. Возможно, как раз восточные корни объясняют ее интерес к науке и технике, ведь алгебру и гидродинамику изобрели в древней Персии.

– Не забудь про ас-Суфи – он, на минутку, Туманность Андромеды открыл, – бормочу я. Меня трогает, что она упомянула моих бабушек и дедушек, признала их роль в моей жизни.

– Видели бы они тебя сейчас... – тихо говорит мама. Я сжимаю ей руку.

Подключается второй диктор, пожилой Сеймур Льюис.

– От внучки эмигрантов перейдем к финалисту, семья которого живет в Америке чуть ли не со времен «Мэйфлауэра», – к Беккету Вулфу, племяннику президента Соединенных Штатов!

Перед нами лужайка Белого дома. Рядом с президентом стоит высокий парень в школьной форме, мускулистый блондин. Мы с папой переглядываемся – хороший, мол, выбор. Ричмонд, разделяющая, видимо, наше мнение, приподнимает бровь.

– Семейственностью пахнет, тебе не кажется?

Сеймур, известный защитник президента, слегка напрягается.

– Финалистов отбирали НАСА и руководство миссии, а не дядюшка президент.

– Само собой, – кивает Робин. – Родственник в первой

колонии на Европе президенту, конечно же, ни к чему. И НАСА он ни на что такое не намекал.

– Перестань! – вскипает Сеймур, но Робин гнет свою линию.

– Я согласна, что каким-то базовым критериям Беккет Вулф отвечает, но будем откровенны: он не Наоми Ардалан.

– Bravo, сестричка! – Сэм хлопает меня по спине. – Умыла первого племянника по национальному телевидению!

Я смеюсь, родители тоже. Настроение у нас улучшается, но тут Робин говорит:

– После короткой паузы два бывших астронавта расскажут нам о смертельном риске, которому подвергнутся эти подростки в своем космическом путешествии.

Наше веселье гаснет. Сэм тоже читает «Космический конспиратор», и оба мы знаем, о чем будут говорить эти двое.

– Вечно у них выступают какие-то маловеры, – небрежно бросает папа, но дрожь в голосе его выдает.

– Давайте лучше «Найтлайн» посмотрим, – предлагаю я. Не хватало еще слушать об опасностях, которые меня поджидают.

Папа переключает канал, и мы тут же видим заголовок «Двадцать четыре: почему выбрали именно их». Сэнфорд Пирс, сидя за своим стеклянным столом, объявляет:

– Сегодня вечером мы представим вам две дюжины подростков, от олимпийского медалиста до самого молодого в мире предпринимателя. Шестеро из них вскоре отправятся

в космос, чтобы решительно изменить нашу жизнь.

Нам снова показывают ребят, которых мы видели на пресс-конференции. Темнокожий курчавый парень гордо демонстрирует свой переделанный под офис гараж и разработанное им приложение для предсказания землетрясений. Рыжая девочка в белом лабораторном халате стоит в центре роскошного зала, и Вильгельм, король Англии, касается мечом сначала левого ее плеча, затем правого. Мальчик из Азии ведет самолет над океаном и отдает распоряжения второму пилоту лет на десять старше его. Загорелый пловец на вышке для прыжков мне запомнился лучше всех: это итальянский финалист, который старался меня подбодрить.

Под конец на двух половинках экрана появляемся мы с Беккетом Вулфом, и я заливаюсь краской.

– «Найтлайн», как и многих из вас, больше всего интересуют американские кандидаты – Беккет Вулф и Наоми Ардалан, – говорит Сэнфорд Пирс. – Узнав утром об их избрании, мы успели провести кое-какие исследования и сейчас поделимся с вами.

Нам показывают прошлогоднюю Вагнеровскую научную ярмарку, и я вижу себя в возрасте пятнадцати лет. Тогда я была совсем другая... счастливая.

– Лучший день в нашей жизни. – Папа ерошит мне волосы, Грета Вагнер на экране – мой идол – вручает золотой приз. Фотография, где запечатлен этот момент, стоит у меня на столе, побуждая работать усердно и мыслить столь же

широко, как сама доктор Вагнер.

— В прошлом году Наоми потрясла нас, предложив метод исправления дефектных геномов, а в этом подарила нам модель радиотелескопа Ардалан с уникальной антенной, позволяющей принимать более четкие сигналы с планет Солнечной системы.

Доктор Вагнер показывает мои чертежи, Сэм и родители рядом со мной хлопают синхронно с самими собой на экране. Мою гордость несколько омрачает то, что телескоп так и не построили, а метод исправления ДНК не применили на практике. Теперь, когда Земля вступила в стадию климатических катастроф, все гранты и фонды тратятся только на выживание.

— SETI такое изобретение с руками бы оторвал, — печально констатирует доктор Вагнер. Я понимаю, отчего ей так грустно. SETI, Институт поиска внеземных цивилизаций, прекратил свое существование за три месяца до последней научной ярмарки. Научная общественность протестовала против его закрытия, но в нашем отчаянном положении НАСА и правительство сочли поиски инопланетного разума нерентабельными. Поэтому финальная шестерка не будет знать, что ее ждет на Европе: у них, в отличие от прежних космических миссий, больше нет SETI, который мог бы определить, есть ли жизнь на планете.

Однако... у меня только что родилась одна мысль.

Пожелав родителям спокойной ночи, я хватаю планшет и перебегаю из своей комнатухи к Сэму. Он, тревожно наморщив лоб, смотрит на собственный ноутбук.

– Что ты там вычитал?

Я подвигаю стул, Сэм поворачивает ко мне монитор. На экране статья под заголовком «Дублеры «Афины» предупреждают о рисках полета на Европу». Астронавты на фото со слезами на глазах обнимают друг друга у мемориала команды, погибшей пять лет назад. Меня пробивает холодом, и я быстро закрываю это окно.

– Я и без них знаю. Спрашивала сегодня женщину из НАСА, но она мне преподнесла дежурную версию: у нас, мол, все по-другому будет. Есть кое-что поважнее. Ты уже смотрел «Конспиратор»?

Сэм мотает головой. Я открываю нужный сайт, который после утренних новостей украсился новой начальной страницей. Шесть марионеток смотрят на встающее из океана чудовище, а карикатурная пара, изображающая руководителей миссии, дергает их за ниточки. Сэм содрогается, и я перехожу на новостную страницу.

– Когда доктор Вагнер упомянула про SETI, я кое-что придумала. Если смогу доказать, что «Конспиратор» – не просто бредни ренегатов-ученых, это поможет мне вернуться домой.

Курсор упирается в статью, которую я ищу: «Научно доказанная возможность существования жизни в океанах Евро-

пы». Пока брат читает, я нетерпеливо подскакиваю на стуле.

– У меня будет своя миссия в этом учебном лагере. С теми средствами, что имеются в Центре Джонсона, я продолжу работу SETI: поищу внеземной разум на одной конкретной планете.

Сэм изумленно поворачивается ко мне.

– Если мир поверит, что на Европе он реально может существовать, наша миссия предстанет совсем в другом свете. Никто не станет нас туда посылать, учитывая, что в экспедиции участвует племянник президента США.

По лицу брата расплзается медленная улыбка.

– Будешь саботировать миссию изнутри?

– Скажем иначе: открою глаза общественности. Хотя да... можно это и саботажем назвать.

– Я только за. – Мы с Сэмом бьем кулаком о кулак. – Сделаем их, сестричка.

Глава пятая

ЛЕО

– *Leo, Leo, Vogliamo Leo!*

Я с улыбкой открываю шторы гостевой спальни. Еще только восемь утра, но горожане уже собрались на пристани, чтобы меня проводить. Несколько человек размахивают итальянскими флагами, на лицах надежда и гордость. Я распахиваю окно и кричу им:

– *Vi amo tutti!* – Это чистая правда: я в самом деле люблю их всех, выкликающих мое имя на холоде. Увидев меня, они начинают орать еще громче, и я смеюсь, воображая, что сказала бы на это моя сестра: «Они вообще-то знают, кого приветствуют?»

В дверь стучат.

– Лео, ты уже встал?

– Да, – отзываюсь я.

Входит доктор Шредер с небольшим чемоданчиком.

– Надень-ка. Руководство миссии требует, чтобы все финалисты, прибывшие в центр, были в форме.

Мой пульс учащается. Откинув крышку, я вижу синюю куртку на шерстяной подкладке – с самого потопы не носил

таких красивых и теплых вещей. На ней три нашивки: две с эмблемами учебного центра и ЕКА, третья с моим именем. На спине Миссия «Европа» крупными буквами. Осознав, что это происходит на самом деле, я на секунду теряю дар речи.

Под курткой лежат защитного цвета брюки, пара кроссовок экстра-класса, голубая рубашка. К ней золотой булавкой прикреплен значок с итальянским флагом. У меня перехватывает дыхание: покидая свою родину, я буду носить ее на груди.

– Великолепно! – говорю я доктору. – Спасибо большое.

– Рад, что тебе нравится, – усмехается он. – Жду тебя внизу через двадцать минут.

Я киваю. Адреналин так и бушует во мне. Новая форма, первый заокеанский полет – все равно что стать другим человеком. Я с благодарностью принимаю свой второй шанс, но часть сознания еще тоскует по себе прежнему, по сыну и брату.

Надеваю рубашку, натягиваю штаны и кроссовки. Удобные какие, точно по облаку в них идешь. Теперь куртка, и всё.

Охрана сопровождает семью Винсенти, доктора Шредера и меня на дворцовую пристань. Провожаящие громко кричат «ура». Я улыбаюсь Элене, она отвечает тем же, но смотрит невесело: вчерашнее открытие все еще тревожит ее. Как бы передать ей, что мне это параллельно? Главное, что вы-

брали меня, не важно за что.

Премьер-министр показывает вперед: к нам приближается катер. Мое сердце взмывает при виде лодки, которая не только спасла мне жизнь, но и круто переменяла ее.

– Готов, Лео? – спрашивает доктор Шредер.

В последний раз обвожу взглядом свой Рим, прекрасный даже после потопа. Никогда мне не забыть этот вид с утренним солнцем, играющим на воде.

– *Arriverderci, Roma*, – тихо произношу я и говорю доктору: – Всё, поехали. – С Винсенти я попрощался еще во дворце, но Елена вдруг обнимает меня и шепчет на ухо:

– Помни, что я тебе сказала. Будь начеку.

– Ладно, не беспокойся.

Катер отчаливает, и фигуры провожающих на пристани отходят назад, а с ними и тревоги Элены. Я думаю только о том, что ждет меня впереди.

Стройный белый «Гольфстрим» спускается к нам с небес и садится на дорожку Тосканского аэродрома. Мы с доктором пригибаемся.

– Я говорил вам, что никогда еще не летал? – кричу я, перекрывая рев двигателя. Доктор Шредер удивляется. – Правда, правда! На самолеты у нас денег не было, мы всюду ездили поездом.

Доктор кладет руку мне на плечо.

– Теперь ты, возможно, полетишь дальше, чем кто-либо

из землян.

От его слов я покрываюсь мурашками. Чем дальше мой дом, тем больше мне хочется, чтобы это сбылось, и тем труднее представить свое возвращение. Самолет подкатывает к нам, двери открываются, опускается трап. Пилот, капитан итальянских ВВС, выходит, здоровается с нами, провожает в салон.

– Уютно здесь, в телевизоре все по-другому выглядит, – замечаю я.

– Большие пассажирские лайнеры уходят в прошлое, – угрюмо роняет доктор. – Зачем они теперь, когда половина туристских маршрутов затоплена. В вашем поколении будут летать только те, кто состоит на военной или правительственной службе.

– Но я теперь вроде как в армии? В итальянской? Меня ведь призвали.

– Ты представляешь Италию в новой Всемирной армии, – объясняет доктор. – Все мы теперь сражаемся на одной стороне, спасая вид гомо сапиенс.

Я киваю, притворяясь спокойным, но завожусь еще больше.

– Взлетаем, – говорит капитан по радио. – Пожалуйста, пристегните ремни.

– Есть, – отвечает доктор.

Я хватаюсь за поручень кресла, и мы взмываем в небо, как на старом аттракционе. Самолет проходит сквозь облака,

меня мутит, костяшки пальцев белеют.

– Здесь всегда так трясет?

Доктор Шредер, которому, видимо, тоже худо, поворачивается ко мне.

– Раньше так не было – это побочный эффект климатических изменений, избыток углекислого газа. Но наверху все равно безопаснее, чем внизу, поверь мне.

– Я верю.

Смотрю в окно, стараясь отвлечься. Вскоре меня охватывает тревога: внизу сплошная голубизна, бескрайний океан с редкими островками суши.

– Вот почему наша миссия так важна, – проследив за моим взглядом, говорит доктор. – Еще недавно, в твоем раннем детстве, пейзаж внизу был совсем другим. Ученые-климатологи предупреждали о загрязнении и выбросах углерода... да что теперь говорить. Времени у нас мало, океан наступает.

– Совсем мало, – соглашаюсь я, глядя вниз.

Наоми

Похоже, весь Лос-Анджелес собрался в аэропорту Бербанк, чтобы посмотреть, как мне плохо. Я цепляюсь за своих, пытаюсь не слышать, как выкрикивают мое имя, не видеть вспышек мобильных и плакатов с надписью «Двадцать четыре призывника – наш последний шанс!» Меня вот-вот оторвут от семьи, и я стараюсь использовать каждую оставшуюся

юся секунду. Мы, все четверо, обнимаемся, я зарываюсь в плечо отца.

– Наоми азизам, мы будем тосковать по тебе, – шепчет папа. – Что же делать, если ты рождена не для этой планеты, а для чего-то большего.

– Папа прав. – Мама берет мое лицо в ладони, будто только теперь осознала, что может расстаться с дочерью навсегда. – Мне больно тебя отпускать, но и в нашем гибнущем мире тебе не место. Лети... и меняй лик вселенной.

– Я бы рада, но...

Брат вытирает глаза рукавом. Как объяснить им, что умвлечет меня в просторы вселенной, а сердце рвется домой?

– Не забывай еще вот о чем, – добавляет мама сквозь слезы. – Если ты выйдешь в суперфинал и ваша миссия будет успешной, нам троим гарантированы места в первом же пассажирском транспорте на Европу. И мы опять увидимся... в лучшем мире.

Я встречаюсь глазами с Сэмом и понимаю, что мы с ним думаем одинаково. Мама у нас вечная оптимистка, но успех миссии – это очень большое «если». Даже в самом лучшем случае сердце брата не выдержит перегрузок, а родители, конечно, его не бросят. Не будет у нас счастливого воссоединения на Европе, но я киваю, чтобы не отнимать у мамы надежду. На прощание с Сэмом сил уже не осталось – слова застревают в горле.

– Я люблю тебя, сестричка, – говорит он. – Ты не бойсь,

все нормально. Покажи им там в Хьюстоне, что почем, и возвращайся домой, ага?

– Ага. – Я достаю из кармана своей форменной куртки сложенный вчетверо бумажный листок. – Прочти, когда я буду тебе нужна.

Сэм разрывается между слезами и смехом.

– Телепатия, я смотрю, в силе.

Сама я не могу сдержать слез, когда он протягивает мне свой конверт. Внутри, кроме письма, прощупывается что-то объемное.

– Храни как самое дорогое! – велит он. Я прячу конверт в наружный карман рюкзака.

– Пора, Наоми, – говорит доктор Андерсон. Так скоро? Я еще не готова! Но майор тоже подходит к нам, двери самолета открываются, двигатель уже завели.

– Берегите друг друга, – наспех говорю я. – Люблю вас больше всего на свете. – Обнимаю в последний раз Сэма, и на этом конец: доктор Андерсон и майор Льюис уводят меня в новую жизнь.

Внизу виден бетонный островок, космический город Хьюстон. Место, подарившее нам все «Аполло» и МКС. Отсюда отправились в космос мечты миллиона ребят, моя в том числе.

Никогда не забуду историческую запись, которую показала мне мама: Ануше Ансари, первая американка персидско-

го происхождения в космосе, садится в «Союз». Никогда не забуду маминых слов: «Ты из рода таких же женщин. Если захочешь, сможешь полететь еще дальше – пределов для тебя нет». – «Обязательно захочу, – заявила я, тогда шестилетняя. – Мы с Сэмом полетим вместе и станем первыми братом и сестрой на орбите!» Даже тогда я не хотела его оставлять, а узнав, что земное притяжение ему преодолеть не дано, отказалась от космической мечты, как от дурной привычки. Теперь она, вопреки моей воле, может осуществиться.

– Скоро пойдем на посадку, – говорит доктор Андерсон, сидящая рядом. – Не хочешь освежиться перед съемкой?

– Да нет, – пожимаю плечами я. Последнее, о чем я сейчас думаю, – это хорошо выглядеть в кадре.

– Ну, пристегивайся покрепче, – улыбается она. – Из-за климатических изменений тут всегда сильная турбулентность.

Я затягиваю ремень.

– Как вы вообще сумели удержать Хьюстон над уровнем моря, когда весь остальной Техас затопило? Благодаря уникальной дамбе? Почему же другие города таких не построили?

Мне вспоминается затопленная калифорнийская дамба в Санта-Монике, голубые кладбища на месте Венеции и Марина-дель-Рей – их ведь тоже можно было спасти?

– Это очень дорого стоит, – объясняет доктор. – Нам средства выделили только после конференции ООН, когда изме-

нения климата стали необратимыми. Поскольку все великие умы от Стивена Хокинга до Илона Маска утверждают, что единственный выход для человечества – это колонизация новых планет, Хьюстон было решено сохранить любой ценой как базу для подготовки будущих первопроходцев.

– Вот почему во всех других местах бюджет урезают, – размышляю я вслух. – Все деньги тратят на то, чтобы убрать нас с Земли – не на то, чтобы защитить ее жителей.

– НАСА смотрит на это иначе, – сухо замечает Андерсон. – Когда планета гибнет, ресурсы нужно распределять с умом. Либо помогать всем и каждому с минимальным эффектом, либо сосредоточиться на одной космической миссии с реальными шансами на успех.

Ясно. Доктор Андерсон так заиклилась на проекте «Европа», что ее не собьешь. В чем-то я ее понимаю, но прямо зло берет, как вспомнишь, сколько раз мне отказывали за последних два года. На генную хирургию для сердечников у них денег нет, на радиотелескоп тоже. Их нет ни на одно предложение, которое могло бы облегчить людям жизнь. Проще верить в чудо, именуемое Европой.

Самолет заходит на посадку, и нам открывается вид на Хьюстон. Небоскребы, соединенные сетью воздушных мостов, стоят как ни в чем не бывало. Рядом мой новый дом, Центр имени Линдона Джонсона.

– Для дополнительной безопасности мы перенесли все учреждения центра на верхние этажи, – говорит доктор. –

Персоналу и оборудованию там ничего не грозит даже в случае стихийного бедствия.

Самолет снова закладывает петлю. Я хватаюсь за подлокотники, и после недолгой тряски мы садимся на аэродром базы Эллингтон. Он похож на самолетную парковку, и я еще не видела, чтобы на посадочном поле толпилось столько народу. Дюжину фигурок в такой же, как у меня, форме окружают фотографии, операторы и просто зрители. Не забыли и про оркестр: он как раз начинает играть «Наш славный старый флаг».

– Это в твою честь, – улыбается доктор Андерсон.

Сердце у меня колотится, страх перед сценой возвращается в десятикратном объеме. Доктор отстегивает ремень и снимает мою ручную кладь с полки, а я все сижу как приклеенная.

– Вставай же, – она трогает меня за плечо. – У тебя все получится. Я пойду следом, но сегодня, скорее всего, ты меня уже не увидишь.

Бухает барабан, толпа выкрикивает мое имя. Я сглатываю. Да, надо идти... куда денешься.

Храбро вскинув подбородок, я иду к выходу. Когда я ступаю на трап, оркестр переключается на «Звезды и полосы».

Камеры синхронно вспыхивают, мои товарищи-финалисты глядят на меня. Чуть впереди стоят руководители, те самые кукловоды с сайта «Космический конспиратор»: доктор Такуми из НАСА, генерал Соколова из Роскосмоса. Зрители

за ограждением взбираются на барьер, машут флагами разных стран, скандируют: «Благослови Боже призывников, нашу единственную надежду!»

В животе образуется комок. Если здесь собрались представители всей Земли, то от нашего успеха зависит жизнь миллионов. Знают ли они, как опасна эта миссия? Понимают ли, что мы всего лишь подопытные морские свинки, которые, по закону Мэрфи, определено загнутся, не в космосе, так на Европе?

Нет, конечно. Только ботаны-аналитики вроде меня понимают.

Получив легкий тычок в спину от доктора Андерсон, я спускаюсь по трапу, крепко держась за перила. За ограждением поют:

Средь огненных полос, слепящих звёзд,
в смертельной битве тьмы и света...

Меня переполняют эмоции. Я всегда любила наш гимн, верила каждому его слову. Помнила, какие мучения испытали родители моих родителей до приезда в Америку. Я присоединяюсь к хору почти бессознательно, доктор Андерсон позади делает то же самое. Когда мы сходим на бетон, гимн начинает звучать как торжествующий боевой клич.

Доктор Андерсон направляет меня к руководителям. Первым меня встречает доктор Такуми, посол Солнечной систе-

мы и президент международного учебного лагеря. Я невольно делаю шаг назад.

Возможно, это из-за его роста: мне приходится задирать голову, чтобы видеть его лицо. Возможно, из-за глаз: они смотрят свирепо вопреки улыбающимся губам. Бритая голова подчеркивает резкие черты и глубокие складки его лица. Вспомнив кукловода на картинке, я вздрагиваю.

– Добро пожаловать в космический учебный лагерь, Наоми, – говорит он низким и властным голосом. – Я доктор Рен Такуми, а это генерал Ирина Соколова, командующая миссией «Европа».

– Очень приятно, – лепечу я.

Форма на нем такая же, как у нас, только черная, а на генерале Соколовой красная, как у всех космонавтов Роскосмоса. Ее золотистые волосы подстрижены коротко, карие глаза внимательно изучают меня.

– Поздравляю с выходом в финал, Наоми. Надеюсь, ты готова заниматься усердно.

– Д-да... спасибо.

На посадку заходит еще один самолет.

– Встань, пожалуйста, рядом со своими товарищами, Наоми, – просит доктор Такуми. – Когда придут все, мы отправимся в космический центр.

Приближаюсь с бьющимся сердцем. Какие они? Сумею ли я хоть как-то с ними поладить? Некоторые лица, особенно американец Беккет Вулф, знакомы мне по выпускам ново-

стей. Становлюсь с ним рядом, в конце шеренги.

– Привет, я Наоми. – Мне приходится перекрикивать рев самолетного двигателя. – А ты Беккет, правильно?

Он, глядя на меня свысока, показывает на кармашек, где вышито его имя.

– Как видишь.

Хм. Надо надеяться, другие окажутся не такими снобами, как первый племянник. Его презрение к соотечественникам из этнических меньшинств не вызывает сомнений. Ну извини, чувак, я на эту честь не напрашивалась.

Оркестр, сменив барабан на таблы, играет индийскую народную песню. Красивая музыка, заводная мелодия. Индийский финалист сходит по трапу, широко улыбаясь, и я, захваченная зрелищем, аплодирую вместе со всеми. Легкость, с которой музыканты переходят от одной национальной мелодии к другой, восхищает меня, разноцветные флаги радуют глаз.

Только что прибывший Дэв Ханна занимает место рядом со мной и держится куда дружелюбней, чем Беккет. Мы обмениваемся улыбками и пожимаем друг другу руки. Звучит новая веселая музыка – ритм отбивается тамбурином, как на итальянской свадьбе. Италия... тот мальчик с видеоконференции.

Из самолета выходит Леонардо Даниэли. Выпрямляюсь во весь рост. Он сияет и танцующей походкой сходит по трапу. Я тоже расплываюсь в улыбке. Наши глаза на секунду встре-

чаются, и я вижу, что он тоже меня узнал.

Лео

Неужели все это происходит со мной? Быть не может. Я становлюсь в строй вместе со всеми, и доктор Такуми произносит речь перед камерами, показывающими нас всему миру в прямом эфире:

– Сегодня человечество совершает важнейший шаг к своему будущему. От лица шести космических агентств и Центра имени Джонсона я приветствую самых выдающихся юношей и девушек нашей планеты. Мы прочесали всю Землю, чтобы найти их, и вот они стоят перед вами – сила, ум и молодость, способные осуществить самый дерзкий замысел.

И я – один из них... просто в голове не укладывается. Я в одном ряду с этими вундеркиндами?

– Миссия «Европа» в самом начале поставила для своих призывников весьма строгие рамки. Возраст от шестнадцати до девятнадцати лет, крепкое здоровье, хорошее зрение. Параметры, соответствующие долгосрочным космическим скафандрам, ай-кью выше 85, свободный английский, необходимый для обучения в Центре Джонсона. И это еще не все: каждый из них должен обладать каким-нибудь уникальным качеством.

Может, мне чудится, но могу поклясться, что доктор Такуми смотрит прямо на меня, говоря это.

– В течение месяца мы будем готовить финалистов к жизни в космосе – как физически, так и умственно. Этот период позволит нам тщательно оценить каждого из них и правильно отобрать космическую шестерку. Когда-нибудь нашу миссию будут изучать в школах и назовут поворотным моментом для всего человечества, но случится это не на Земле. – Такуми мимолетно улыбается. – Школьникам расскажут о ней в новых школах нашего нового дома, планеты Европа!

Толпа ревет, сотрясая ограждение. Он озвучил наши глубочайшие, безумнейшие надежды.

– И начнется это прямо сейчас.

По свистку доктора к нам подъезжают две открытые вагонетки с водителями в камуфляжной форме армии США. Доктор Такуми (он и генерал Соколова садятся в разные вагонетки) отдает первый официальный приказ:

– По местам, финалисты!

Проскакиваю без очереди, чтобы сесть впереди. Это, может, и глупо, но я хочу сидеть рядом с человеком, от которого зависит моя судьба.

Вагонетка выезжает с базы Эллингтон на главную улицу. Я снова вижу тротуары и светофоры, как будто в прошлое перенесся – только в прошлом мне бы такой кортеж и во сне не привиделся. Оркестр, едущий позади, играет попури из наших национальных гимнов. После китайского звучит мой, «Il Canto degli Italiani.» Я улыбаюсь, глядя на небо.

Колонна поворачивает на НАСА-Парквей, и у меня дух захватывает. Если в Риме и на аэродроме собрались толпы, как назвать это сборище? Люди машут флагами и плакатами, подскакивают, рыдают, выкрикивают пожелания удачи на множестве языков. Я чувствую, что каждый из них молится об одном и том же: «Дай, Боже, чтобы это осуществилось. Позволь им спасти нас».

Вагонетка въезжает в открытые ворота, и мы дружно кричим «ура», видя впереди огромную эмблему Космического центра имени Линдона Джонсона. Лагерь велик, как город, и защищен, как крепость: всюду видны баррикады, сдерживающие напор океана. Миновав десятки пронумерованных корпусов, мы останавливаемся перед самым большим, № 9. Над входом два флага: международного центра и американский, со стороны НАСА.

Доктор Такуми выходит первым. Вслед за ним мы поднимаемся по ступеням. Операторы и фотографы наперебой стараются заснять свой последний кадр.

– Помашите им на прощание, – говорит доктор. – До первого отсева никто из посторонних вас не увидит.

Одни ребята улыбаются и машут охотно, другие заметно нервничают. Ищу взглядом американочку, которая так грустила на видеоконференции. Она говорит что-то в объективы камер одними губами – интересно, что? Подхожу ближе, но тут двери Девятого корпуса открываются, доктор Такуми делает знак войти, и старый мир остается у меня за спиной.

Глава шестая

НАОМИ

Двери позади закрываются, отсекая все мало-мальски похожее на нормальную жизнь. От сознания, что Сэм и родители тоже остались там, ноги отказываются идти дальше, но девочка с волосами до плеч и кольцом в носу толкает меня локтем:

– Не отставай!

Послушно иду со всеми через холл, покрытый линолеумом.

Доктор Такуми и генерал Соколова приводят нас к лифтам. На стенах висят фотографии знаменитых астронавтов прошлого с их автографами. Салли Райд парит в невесомости вверх ногами, Скотт Келли и Михаил Корниенко заходят в «Союз». Просто не верится, что их легенды создавались здесь, в этих самых стенах. Интересно, что сказали бы они о миссии «Европа» – остановили бы их возможные опасности или нет?

– Армстронг не должен висеть на одной стенке с этим парнем, – заявляет Беккет Вулф, имея в виду Гагарина. – Астронавта уровня Нила Армстронга в те времена просто не было.

Одернуть бы его, да внимание к себе привлекать не хочется. К счастью, тут много других желающих.

– Ты же знаешь, что первым человеком в космосе был Юрий Гагарин, – говорит китаец Цзянь, пилот.

– Да, но целью человечества была *Луна*, – подчеркивает Беккет, – а не просто прогулочка по орбите. Поэтому первыми были мы.

– Юрий Гагарин был настоящим героем, – прищуривается генерал Соколова. – Его исторический полет вряд ли можно назвать прогулочкой.

Беккет затыкается, мы с Цзяном обмениваемся ухмылками. Чувствую, что здесь первому племяннику помогут избавиться от звездного комплекса.

Разделившись пополам, мы поднимаемся в двух просторных лифтах на третий этаж. На стенах белого коридора нарисованы стрелки с надписью «Аудитория». Я сразу узнаю этот амфитеатр с его серым ковровым покрытием и многочисленными флагами вокруг полукруглого возвышения. Именно здесь проходили все пресс-конференции НАСА, но теперь в зале пусто, не считая нескольких человек в форме Центра на сцене.

Доктор Такуми, дав нам распоряжение занять два первых ряда, поднимается вверх по ступенькам. С одной стороны от меня мальчик, назвавшийся Каллумом Тернером из Австралии, с другой та девочка с кольцом в носу – Ана Мартинес, испанка. Мы знакомимся, обмениваемся рукопожатия-

ми и тут же переводим взгляд на Такуми.

– Добро пожаловать в свой новый дом, финалисты. Рядом со мной вы видите преподавателей Центра, которые будут готовить вас к миссии. Все они являются крупнейшими специалистами в астронавтике и других областях. Для начала мы разобьем вас на четыре группы из шести человек. Ими будут руководить астронавты в отставке, ваши наставники и гиды. Ваше общение с товарищами по группе будет оцениваться наряду с прочими показателями. Мы тщательно продумали состав каждой команды, долженствующий поощрять как соревнование, так и сотрудничество.

Прямо как первый школьный день, только последствия страшноватые. Ерзаю на сиденье, гадая, с кем буду сосуществовать. Но тут доктор Такуми начинает представлять преподавателей, и мне становится интересно. Это не просто учителя, а ученые, инженеры, бывшие астронавты со всего света. Есть и военные, сержанты и лейтенанты армии США. Похоже, нас ждет настоящий курс молодого бойца.

– Лучшее я, как водится, приберег напоследок, – загадочно улыбается доктор Такуми. – Не так давно весь мир наблюдал за отправкой на Европу двух гуманоидных роботов. Их целью было собрать информацию и определить, насколько пригодна для жизни эта планета. Не окажется эта первая экспедиция успешной, вы бы здесь не сидели. – Доктор делает эффектную паузу. – Роботы-астронавты, доказавшие свою незаменимость и обладающие ценной информацией о Евро-

пе, будут сопровождать финальную шестерку в ее космическом путешествии.

– Ну надо же, обалдеть! – шепчу я Ане. Вокруг тоже перешептываются и ахают. Все знают, о каких роботах он говорит: мы следили за ними с тем же религиозным трепетом, как родители наши за марсоходом. Научно-фантастическое путешествие вместе с ними мне даже в самых смелых мечтах не являлось.

– Итак, позвольте вам представить двух самых выдающихся представителей искусственного разума: Киб и Дот!

Занавес поднимается, я хватаюсь за сердце. Они совсем как люди, с руками-ногами, только оболочка у них металлическая, похожая на скафандр. Дот в бронзе, Киб в платине – у них разный статус. Лица тоже металлические, с круглыми голубыми линзами вместо глаз. За сдвижными пластинками на торсах видны цифровые таблички – волшебные устройства, активирующие ОСИИ, оперативную систему искусственного интеллекта. У меня прямо слюнки текут от этого зрелища. Когда роботы выходят на авансцену, я встаю, подавая пример остальным, и мы устраиваем овацию.

Я знаю, как они создавались, знаю, какие алгоритмы работают в их мозгу, какие датчики и процессоры их начиняют. Создать собственный искусственный разум – вот о чем я мечтаю больше всего на свете, но с Земли даже ради этого не хочется улетать.

Роботы отдают честь доктору Такуми и генералу Соколо-

вой.

– Киб, запрограммированный как автопилот для полета на Европу, будет моим заместителем, – продолжает генерал, став с ними рядом, – Дот возьмет на себя вспомогательные функции. Оба они, принимая во внимание их беспристрастность и логическое мышление, примут участие в первоначальном отсеве две недели спустя.

Всего две недели? Большинство наших, судя по испуганным лицам, совсем не желают так скоро отправиться по домам, зато во мне оживает надежда. Пока другие будут впечатлять роботов, я постараюсь не мелькать у них на радаре. Прикинусь середнячком – глядишь, и отсеют.

Остается, правда, обещание, которое я дала как брату, так и себе. Нельзя сбегать просто так: сначала надо кое-что доказать, чтобы мы *все* могли вернуться домой. Сделать это до первого отсева – непростая задача, но попытаться надо.

Доктор Такуми возвращает меня к настоящему.

– Необходимо упомянуть еще об одном моменте. Некоторые из вас, возможно, попытаются умалить или саботировать других конкурсантов, чтобы выдвинуться самим. Хочу предупредить, что в Центре такого поведения не потерпят и все замеченные в нем будут строго наказаны.

подавляю смешок: я уж точно ничего такого делать не буду.

– Другие, напротив, могут преуменьшать собственные способности. – Доктор Такуми обводит взглядом аудиторию,

и я вспыхиваю. — Прошу уяснить, что все попытки такого рода шиты белыми нитками. Вы будете находиться под пристальным наблюдением как на тренировках, так и на психологических консультациях. За более мелкие провинности ваши семьи заплатят солидный штраф, но саботаж любого рода расценивается как уклонение от призыва, и за это как минимум полагается десять лет тюремного заключения.

В зале становится очень тихо. Мне даже думать страшно о таком риске, но сдаваться я пока не спешу. Еще возможно взорвать эту миссию изнутри, надо только перехитрить кучу умнейших взрослых и двух роботов с искусственным интеллектом. Пустячок, чего там!

— А теперь перейдем к распределению по командам! — Доктор Такуми широко улыбается, будто это не он сейчас стращал нас тюремным сроком. — Сначала команда Ларк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.